

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В СУЖДЕНИЯХ МЕДИЙНЫХ ЛИДЕРОВ МНЕНИЙ

Автор: Л. Б. ЗУБАНОВА

ЗУБАНОВА Людмила Борисовна - кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств (E-mail: milazubanova@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена современному медиaproстранству. Исследование российских средств массовой информации¹ направлено на определение общественно-значимых ценностных перспектив современной действительности. Представлена авторская методика ценностно-тематического рейтинга средств массовой информации, обобщается эмпирический материал по контент-анализу российской прессы. Особое внимание отводится современным лидерам мнений в СМИ, информационной ситуации в обществе.

Ключевые слова: медиаобраз * лидеры мнений * СМИ * ценности * медиaproстранство

Образ действительности, будучи каждодневно обновляемым, благодаря средствам массовой информации становится фиксируемым, "запечатленным образом", упорядоченным в информационных картинах дня, недели, месяца, года, десятилетия. Именно он может выступать сплавивающим основанием разрозненной (пространственно, психологически, демографически) аудитории, формируя общий опыт переживания транслируемых событий, отражая доминирующие, хотя и по-разному, идеологические ориентации социума. Средства массовой информации как "действующие метафоры" (М. Маклюэн) или "современные мифы" (Р. Барт) становятся своеобразными маскировщиками идеологии, обеспечивая символическое единство социальной среды. Этот символический ряд (социально обусловленных символов), сплетающий, по мнению К. Гирца, "паутину значений" современной действительности, призван скреплять общество, объединять рассыпающуюся фрагментарность социального бытия в целостный конструкт упорядоченной повседневности.

Раскодирование символического пространства осуществляется различными способами (порой подобное прочитывание укладывается в границах рационально-осмысленных вариантов расшифровки, порой представляет собой интуитивно-эмоциональ-

¹ Исследование осуществлено в рамках программы грантов Президента Российской Федерации "Конкурс молодых ученых - кандидатов наук" (проект "Толерантность в международных отношениях: мониторинг ценностного пространства современных СМИ" N МК - 7541.2006.6).

ное предчувствие), но почти всегда существует группа трансляторов традиционных или вновь зарождающихся ценностей. Именно эта опережающая группа может быть соотнесена с **общественно-значимым лидерством, лидерством мнений**, определяющим ценностно-духовные доминанты социума. Современные герои СМИ, обозначенные в терминологии П. Лазарсфельда *лидерами мнений*, оказываются "держателями лингвистического капитала" (П. Бурдьё), транслируя с общественной трибуны (в обновленном статусе - масс-медиа) определенные ориентиры общественного развития, облекая личностную оценку действительности в ранг всеобщей, оказываясь связующим звеном между миром массовой информации и нуждающимся в ориентирах индивидуальным сознанием.

Социум может быть исследован через изучение ценностного пространства современных средств массовой информации (медиапространство), в свою очередь организованного **лидерами мнений**, персонифицирующими и олицетворяющими ценности, приближая их к массовому принятию и признанию через личностное влияние лидера. Базой подобного исследования для нас стал **контент-анализ российской прессы начала XXI века (2000 - 2007 гг.)**.

Выбор *печатных* средств массовой информации во многом предопределен сформировавшейся в России традицией восприятия прессы, характерной для некогда "великой читающей нации". Пресса как средство передачи информации обладает рядом значимых характеристик воздействия на потребителя: обеспечивает целенаправленность и сосредоточенность восприятия, которое подкрепляется длительностью контакта, возможностью повторного обращения; сам характер информационного оформления события убеждает в большей мере, чем ускользающая эфемерность однажды произнесенного слова. Именно пресса, становясь запечатленной "историей одного дня", оставляет фиксируемый "след в истории". Печатные СМИ наделены особым свойством "коммуникативной рациональности" (Ю. Хабермас) - дискурсивным, осмысленным общением: полнота, многоаспектность, доказательность, обоснованность суждений.

Оптимальными для печатного издания являются, с одной стороны, характеристики респектабельности (длительность нахождения на рынке массовой информации, репутация, проверенная годами и качеством материалов); с другой - общедоступности и массовости (значительный охват аудитории и интенсивность контактов с читателем). Этим критериям по результатам контент-анализа отвечали: "Аргументы и факты" (издается с 1978 г, тираж - 3 000 000 экз.); "Известия" (издается с 1917 г., тираж -234 500 экз.); "Московский комсомолец" (издается с 1919 г., тираж 1 400 000 экз.). При контент-анализе использовалась **сплошная выборка**: все номера изданий за 8 лет с 2000 по 2007 гг.

Вместе с тем, количественно-качественный анализ **конкретных материалов** по методу сплошной выборки представлялся нам малопродуктивным. Жанровое многообразие информационного массива (от хроникальной заметки до развернутого анализа) затрудняет процедуру приведения их к единой логике исследования. Кроме того, информационно-новостные материалы с присущими им лаконичностью стиля, нейтральностью (безоценочностью) лексики, краткостью изложения, - вряд ли могут давать возможность для углубленного, нарративного анализа ценностносмысловых блоков повествования. Именно поэтому мы сконцентрировали внимание на **текстах интервью** со значимыми публичными персонами - **лидерами мнений** (ориентируясь в большей мере на прямую речь героя). Показателем значимости лица стало определение его лидерства самими изданиями, через *рубрикацию* материала, позиционирующую в названии того или иного героя как лидера мнений. В соответствии с этим выборочную совокупность составили материалы, вышедшие под рубриками: "Личность" ("Аргументы и факты"); "Персона", "Портрет", "Легенда" ("Московский комсомолец"); "Человек", "Мнения и комментарии" ("Известия"). Всего проанализировано **776** публикаций, посвященных **994** персонам.

В тексте помимо распространенной процедуры определения количественных категорий анализа (приравненных к слову, упоминанию) интерпретативная практика

базировалась на процедуре мобилизации смысла сообщения в тематически определенных текстовых отрезках, выражающих некую *ценностную определенность*. Основой такого рода контекстного прочтения выступали методики предикативного анализа текста Т. М. Дридзе (выявление макропредикатов) и методика "взвешивания текста" А. А. Леонтьева (присвоение количественного "веса" оцениваемым суждениям). Выделяя основную тему повествования с последующим выстраиванием ценностной конструкции, мы опирались на технологию медиа-фрейминга, оцениваемую специалистами как особую практику селекции текста - выборку определенных его аспектов, придания им большей заметности и значимости в исследуемом массиве. Ценностная иерархия блоков повествования (присвоение веса анализируемым суждениям) выстраивалась в соответствии с занимаемой позицией в тексте, когда макропредикациям (основной мысли, выраженной в связном текстовом сообщении) присваивался определенный весовой коэффициент, корректирующий значимость того или иного ценностно-смыслового блока в общем повествовании - тексте интервью (табл. 1). Расчет итогового коэффициента осуществлялся по формуле среднего арифметического: $(П1 \times 3) + (П2 \times 2) + (П3 \times 1) : 3$.

Данный исследовательский подход основан на принципах качественно-количественной интерпретации выделенных блоков повествования, итогом которого становится выявление группы **ценностных профилей**, образующих *медиаобраз современной российской действительности*, транслируемый лидерами мнений. Обратимся к основным результатам проведенного исследования.

Проблема выявления движущих сил - субъектов изменения условий жизнедеятельности, олицетворяющих преобразовательную активность социума, неоднократно оказывалась в центре внимания социологов. Прежде всего очертим границы лично-субъективных (социально-демографических) характеристик лидеров публикаций, зафиксированных в ходе анализа. Общее распределение по трём изданиям составляет: пол (муж. -812; жен. -182).

Диагностика их суждений позволяет делать выводы об особом "ценностном заказе" общества на того или иного "героя времени". Так, определение героев через выделенный критерий - "поколение" является, на наш взгляд, не просто формальным свидетельством популярности и востребованности "новых лиц", но может рассматриваться и как признак **качественного обновления ценностного поля современной действительности**, выступая наглядным подтверждением перехода к новым идеям и представлениям о *должном*. Каждое поколение выступает в качестве носителя ориентиров мироустройства, задающих обновленную ценностную картину действительности. Безусловно, новые поколения могут быть и "продолжателями" пути, заложенного

Таблица 1

Ценностная иерархия блоков повествования

Предикации	Характеристика	Обозначение	Весовой коэффициент
Предикация первого порядка	Отражает общий контекст повествования, связана с заглавием статьи, характеризуется "смысловой протяженностью" - длительностью и устойчивостью развития в тексте	П ₁	3
Предикация второго порядка	Выступает значимой, но сопутствующей составляющей, проявляется в ходе развития предикации первого порядка, не соотносится напрямую с вынесенным в заглавие тематизмом, характеризуется меньшей смысловой протяженностью	П ₂	2
Предикация третьего порядка	Вводится по принципу "дополнительной информационной нагрузки" к основному смыслу сообщения, характеризуется фрагментарностью и эпизодичностью присутствия в тексте	П ₃	1

предшествующей поколенческой формацией. Однако, и подобная форма "продления" прежних ценностных основ не предполагает их механистического воспроизводства, связывается с переосмысленным и обновленным прочтением. События же российской истории, резкий слом идеологического (и, как следствие, повседневного) уклада, - вряд ли могут свидетельствовать о "плавности" и эволюционно продляющем характере подобного перехода. Доминирующее положение современного поколения в среде лидеров мнений в целом позволяет говорить о **наметившейся тенденции качественного обновления ценностного пространства социума** (новое время рождает новых героев).

Выделив тенденцию ценностной модернизации, привносимой современными лидерами, нельзя игнорировать и тот факт, что выявленный "поколенческий отрыв", другими словами количественный перевес среди героев публикаций представителей молодого поколения по отношению к старшему (**505** против **372**), весьма незначителен. Соответственно, можно сделать вывод и о наличии **ценностного неравновесия**: изменения условий жизни (зачастую кардинальные изменения в средствах, способах и формах организации мышления и деятельности), актуализирующие общественную потребность в новом герое, **не находят полного воплощения в реальных лидерах мнений**. На новые условия жизни транслируются прежние ценности; изменение правил игры не отражается на ее "арбитрах", оценивающих победы и поражения с позиций ранее принятого канона.

Итак, современная ситуация может оцениваться как **неустойчивое ценностное равновесие**: сосуществование в границах единого поля культуры конкурирующих ценностных потоков (организованных в виде своеобразных "ценностных посланий" лидеров мнений). Систематизация высказываний героев публикаций позволила нам выявить несколько типов реакции на подобное несоответствие.

Первый тип реакции может быть обозначен как **ценностное ожидание** (ожидание новых ценностей) или путь **естественной диффузии** - изменившиеся условия постепенно сформируют необходимый (адекватный и созвучный духу времени) доминирующий тип современного поколения: *"Сегодня надеждой моей и верой является то непорочное поколение, которое выросло за последние 15 лет. Я думаю, что человек меняется медленно. У Немировича есть такое выражение "ибсеновские двадцатилетия" - формирование поколения происходит за 20 лет". (О. Табаков, "АиФ". 2005. N 33).*

Второй тип реакции предполагает форму **радикального ценностного слома** (искоренение прежних ценностей за счет активной пропаганды новых) - путь **целенаправленного формирования** поколения, отвечающего запросу среды. *"У нас на протяжении сотен лет успешные люди не воспринимались. Общинная система построения общества - "не выделяйся", на самом деле, сформировала рабскую психологию. Здесь возможны два варианта. Во-первых, можно долго и упорно менять психологию всего общества. Но нам никто такого шанса не даст, потому что мировая экономика развивается очень быстро. Второй вариант описан, если я не ошибаюсь, в Библии. Взяли, отделили, сорок лет водили по пустыне, пока не умерли последние, кто помнил рабство. То есть строго бить в сторону молодежи. Сказать им: "Старое поколение - хрен с ним. Ничего не сделаешь". И следующее поколение вырастет нормальными европейцами". (М. Ходорковский, "АиФ". 2003. N 5).*

Третий тип может определяться как своеобразная форма **"ценностного отката"** -возвращение прежнего поколения как доминирующего ценностного эталона (в противовес не оправдывающему надежды новому поколению) вне зависимости от изменившихся условий жизни. *"Поколение наших отцов и дедушек смогло защитить страну в Великую Отечественную войну только потому, что воспитывалось на хорошей литературе. У Высоцкого есть песня, которая заканчивается словами: "Значит, нужные книги ты в детстве читал". Если в твоём духовном воспитании участвовали такие учителя как Марк Твен, Даниэль Дефо, Жюль Верн и прочие, ты вырастешь достойным человеком. А если ребенок воспитывается на Гарри Поттере... Я в это молодое*

Таблица 2

Реакции на ценностное несоответствие

Типы реакций	Предикативная иерархия (значения в абсолютных числах)*			Итоговый коэффициент
	П ₁	П ₂	П ₃	
Ценностное ожидание	18	21	14	36,6
Радикальный ценностный слом	5	11	6	14,3
Ценностный откат	4	6	2	8,6
Ценностное отстранение	5	4	5	9,3

* Здесь и далее при анализе уровней исследования медиаобраза действительности приводятся обобщенные данные по трем изданиям: "АиФ", "Известия", "МК".

поколение не верю. Они слушают похабелю, которую можно назвать музыкой только с очень глубокого похмелья. Конечно, среди молодых есть люди, которыми я восхищаюсь. Глядя на них, думаю, я бы в их возрасте и половины бы не достиг. Но в целом молодежь - такое стадо". (С. Говорухин, "АиФ". 2003. N 14).

Четвертый тип реакции предполагает форму ухода, **ценностного отстранения** "не вписывающихся поколений" от новых условий существования. *"Я чувствую себя отставшим от времени. Колоссальный разрыв между поколениями я ощутил на себе. Чувствую, что не вписываюсь в современность. А время-то новое, мы как-то не заметили, как вступили в новый "асфальтовый век". Нынешние писатели - ребята городские, большинство выросло в "хрущевках" и коммуналках. Им традиции не помогут, как нам. За нами были Тургенев, Лесков, Бунин. Этим ребятам надо будет о новом времени писать. В асфальте пробивать дырку, как той травинке. Натоптывать свою тропу..." (В. Астафьев, "АиФ". 2000. N 26).*

Общее распределение данных реакций (декларирование их лидерами мнений) представлено в таблице 2. Доминирующим типом реакции может считаться **путь естественной диффузии** (ценностное ожидание): изменение социальных условий жизни вызывает постепенное переустройство сознания, вытеснение "неработающих" ориентиров, расширение "зоны влияния" новых моделей мышления и поведения (отмирание ценностного наследия в результате естественной смены поколений обозначено П. Штомпкой как "добродетельный круг культурной реконструкции").

Абсолютные числа соответствуют **количеству упоминаний анализируемой категории в тексте каждого интервью** (при этом следует обратить внимание на то, что в отдельных интервью подобных упоминаний может быть несколько, равно, как и не встречаться совсем). Полученные результаты репрезентируют обобщенный тематизм повествования, итоговый коэффициент отражает сумму всех упоминаний данной характеристики в анализируемом массиве в соответствии с занимаемой позицией в тексте (предикации первого, второго, третьего порядка).

Даже весьма "беглый" взгляд на указанные типы реакций позволяет фиксировать сопряженность категории "поколение" с анализом **временных перспектив**. В ценностно-временной перспективе лидеров имеют место три вектора: прошлое, настоящее и будущее, обозначенные нами как *ретроспекция* (опора на образы прошлого, понимание прошедшего как наиболее совершенного состояния), *презентизм* (акцент на возможностях настоящего) и *проектизм* (четко выраженная ориентация на будущее, ожидание в нём наиболее созидательного периода). Отнесение высказываний к выделенным состояниям осуществлялось через фиксацию соответствующей терминологии: "сейчас", "раньше", "скоро", "в прошлом", "на сегодняшний день", "в будущем", "было", "наличествует", "ожидается"; а также через привязку к определенным историческим этапам и фигурам. Общее распределение временных векторов представлено в таблице 3.

Итак, на основании полученных данных можно выявить тенденцию **доминирования социального презентизма как актуальности настоящего**. В этом смысле,

Таблица 3

Временные векторы повествования

Временной вектор	Предикативная иерархия (значения в абсолютных числах)			Итоговый коэффициент
	П ₁	П ₂	П ₃	
Социальная ретроспекция	22	18	9	37
Социальный презентизм	40	27	6	60
Социальный проектизм	8	7	10	16

отмеченная нами тенденция омоложения лидеров (популярность нового поколения среди героев публикаций) является дополнительным подтверждением актуализации настоящего, когда власть "патриархов" (в целом характерная для традиционных типов лидерства, построенных на авторитете старейшин, мудрости старцев) воспринимается как "пережиток" прошлого. Безусловно, все три временных вектора оказываются неразрывно связанными с категорией настоящего, ведь восприятие образов прошлого и будущего осуществляется в практиках сегодняшнего дня, всегда становясь формой современного прочтения. Мы можем говорить скорее о "перетолковании прошлого в настоящем" (П. Бергер, Т. Лукман), равно как и характеризовать будущее в качестве "продленного настоящего" (Ю. Левада). Варианты пересечений временных векторов, по нашему мнению, могут рождать несколько ведущих состояний общества, отражающих доминирование социального презентизма.

1. Транзитивное состояние - ситуация нахождения между прошлым и будущим в определенном ценностном вакууме - ценности прошлого уже не работают, утратив свою жизненную силу, будущего - не определены, исключая возможности прогнозирования перспектив развития. Как следствие - неверие в собственные силы и возможности, вынужденное нахождение в ситуации "застревания" в настоящем (состояние, определенное Э. Тарковской как "ожидающее общество").

"Люди потеряли ориентиры. Ориентиры были, может быть, фальшивые, ненавидимые, но они давали точное понятие, куда идти или откуда бежать. Был коридор. Рухнули стены и потолок, и вдруг мы оказались в таком пространстве, где непонятно, что хорошо, что плохо, как в невесомости". (А. Кончаловский, "АиФ". 2000. N7).

"У нас очень многие люди просто боятся будущего. Оно потерялось. Раньше оно было в форме каких-то иллюзорных планов. Так называемое завтра. Но во имя него люди многое терпели. Они в него верили. А сейчас и его нет". (Д. Гранин, "АиФ". 2000. N37).

"Время безвременно. Суть времени - вечное его отсутствие. Мы живем по циферблату, в котором отломана часовая стрелка, да и минутная тоже. Мы - люди с секундным суетным круговоротом". (А. Вознесенский, "АиФ". 2000. N 37).

"И человек растерялся. Он родные берега потерял, а другие найти не смог. Какая-то часть все-таки сумела к ближайшему берегу прибиться - завели свои дела, предпринимательством занялись. Можно позавидовать им - они нашли почву под ногами. Но большинство... Оно даже не растерялось, а затаилось. И затаенность та до сих пор не прошла. Люди еще не почувствовали, что снова могут жить в полную силу". (В. Распутин, "АиФ". 2006. N 16).

2. Состояние стабилизации как "укорененной определенности" - характерное для так называемого "чувственного общества" (П. Сорокин), живущего по законам сегодняшнего дня, ориентированного на девиз, в полной мере оправдывающий социальный презентизм - "живи настоящим!" (или в терминологии П. Сорокина - "лови день!"). Именно в данном состоянии максимально учитываются возможности настоящего, минимизируя влияние образов прошлого и будущего. Названное состояние может создавать как прагматическую ориентацию поведения (характерную для "об-

щества потребления"), так и быть связанным с ощущением стабилизации жизненных перспектив, рождающим рационализированные практики мышления и поведения.

"Страна стабилизируется. Стабилизация идет как в экономике, так и в сознании людей. Конечно, должен быть сделан следующий шаг. Надо дать людям возможность почувствовать самое главное, что есть в рынке: возможность реальной экономической свободы, возможность создать, отвечать за свой риск, втягивать в бизнес соседей, родственников, друзей". (А. Милехин, "Известия". 2004. 18 марта).

"Надо жить. Просто жить. Не догонять и не убежать, не завидовать и не суетиться. И радоваться, что у тебя две ноги и две руки и башка, которая еще что-то варит. Жить надо. Спокойно. И по возможности весело". (Л. Якубович, "АиФ". 2005. N 30).

"Сегодняшнюю ситуацию я для себя определяю как конструктивный покой. Если на протяжении многих лет нас колотило каждую осень, мы с уже привычным ужасом ждали августа - сентября, то сейчас стало как-то поспокойнее. И такое конструктивное затишье даёт замечательные плоды". (О. Янковский, "АиФ". 2005. N 50).

3. Состояние кредитованных возможностей - характерно для обществ опережающего отражения, в которых настоящее понимается преимущественно в качестве "трамплина" к возможному будущему. Это идеология (а в терминологии К. Мангейма - утопия) завтрашнего дня. Оговоримся сразу, что в анализируемых блоках повествования мы не обнаружили суждений, непосредственно посвященных образам будущего. Выделим лишь те из них, которые могут пониматься в качестве форм прогнозирования новых горизонтов.

"Если под будущими ценностями понимать добротное образование, хорошую работу, достойное жилье, счастливую семью, то это основополагающие ценности свободного демократического общества. Мне кажется, что российская молодежь голосует за такое будущее двумя руками. Она жаждет быть успешной. Они принимают существующую реальность без истерики". (Б. Грызлов, "МК". 2005. 17 - 24 августа.)

"И все время чувство гонки за птицей счастья: можно упустить ее, а можно и поймать. Как будто на миг открыли обычно закрытые ворота - выскакивай и хватай, что можешь..." (Б. Эйфман, "АиФ". 2007. N 45).

Названные состояния вряд ли могут быть зафиксированы в "чистом" виде, скорее это одновременно конкурирующие типы. В одно и то же время для общества характерна их попеременная актуализация (нельзя не признать и дифференциацию жизненных сценариев и ценностных ориентаций различных социальных групп, препятствующих достижению единого, общего для всех образа настоящего). Для того чтобы выделить доминирование какого-либо из названных состояний, нам представляется необходимым обратиться к **характеру переживания социального времени**. Так, И. М. Попова разграничивает два основных вектора в представлении настоящего: *презентизм анемический* (пессимистический диагноз настоящего) и *презентизм гедонистический* (оптимистический диагноз настоящего)². Речь идет о возможных способах оценивания времени, построенных (в огрубленном прочтении, без тонкой детализации) на сценариях социального оптимизма и социального пессимизма, распределение которых представлено в таблице 4.

При анализе результатов обратим внимание на две основные тенденции: **доминирующий пессимизм в оценке настоящего; тенденция реставрации прошлого, без учета возможностей будущего**.

"Вот что у нас сейчас происходит - мы едем в автомобиле, который катится под горку и без тормозов. Армия, юриспруденция, разведка, налоговая полиция, таможня - мы не знаем, кто из них сейчас по-настоящему что-то делает. Демократия возможна только там, где есть ответственность. А если ее нет... Это и есть русская культура, которая так устроена". (А. Кончаловский, "АиФ". 2000. N 7).

² Попова И. М. Представление о настоящем, прошедшем и будущем как переживание социального времени // Социол. исслед. 1999. N 10. С. 139.

Таблица 4

Временные векторы повествования и характер переживания времени

Временной вектор	Характер переживания времени						Итоговый коэффициент	
	Социальный оптимизм (принятие)			Социальный пессимизм (отрицание)				
	Предикативная иерархия (значения в абсолютных числах)						Социальный оптимизм	Социальный пессимизм
	П ₁	П ₂	П ₃	П ₁	П ₂	П ₃		
Социальная ретроспекция	12	13	6	10	5	3	22,6	14,3
Социальный презентизм	6	10	4	34	17	2	14	46
Социальный проектизм	4	5	8	4	2	2	10	6

"В общем - полное разочарование в жизни. Если поначалу верил в какие-то сказки - имел убеждения, идеалы, то теперь совершенно отчетливо понимаю, что человечество замешено на грязи, деньгах и крови, и ничего святого нет". (М. Боярский, "МК". 2000. 13 - 20 января).

"Десять заповедей Моисеевых не предназначены для рода homo sapiens. Это печально, ибо пророчит нам столетия безнравственности, но факты не обойти. Не заложены заповеди в наш генотип, а значит, волосатая обезьяна, сидящая внутри нас, всегда будет склонна убивать, воровать, прелюбодействовать. Посудите сами: большинство заповедей либо никак не обоснованы системой инстинктов homo sapiens, либо вообще противоречат основным инстинктам продолжения рода, поиска пищи и самосохранения". (Б. Стругацкий, "АиФ". 2001. N 21).

"Меня не оставляет чувство, хорошо переданное, если внимательно вчитаться, в произведениях Юрия Трифонова, - канун великих репрессий и потрясений. Я живу на берегу залива: восходы, закаты, волейболисты, смех, доносящийся с пляжа, дорогие машины, которые здесь паркуются, - от всего этого почему-то ощущение предвоенности, все нарастающее в стране. То же и за пределами России: новое состояние на планете - напряженность всемирных нервов. Возможно, большая война разразится через сто лет или через десять, но взаимное раздражение висит в воздухе. Всех оцетил страх. Люди запуганы до предела". (Алексей Герман, "АиФ". 2002. N 31).

Актуализация и даже некоторая мифологизация образов прошлого является значимым симптомом неопределенности настоящего, когда прошедшее воспринимается единственным прочным фундаментом предстоящего, создавая феномен социальной ностальгии. Подобная "ностальгирующая нота" воспроизводится лидерами мнений по отношению к различным периодам российской (в том числе и советской) истории. Отсутствие искомым оснований благополучия, стабильности и порядка в настоящем вызывает естественное состояние ностальгической грусти по прежнему мироустройству, которое выглядит сквозь призму годов более привлекательным, чем, возможно, было в действительности. Однако сценарий реставрации прошлого, его активное включение в жизнь настоящего может в равной степени пониматься и как признак состояния **общественной стабилизации**, поиск гарантий укорененности ("стоим на великом прошлом"), отыскание того, чем можно гордиться, формирование "идеологического иммунитета", избавляющего от комплексов социальной неуверенности.

Характер прочтения будущего, как показывают результаты контент-анализа, четко не определен: вряд ли мы можем фиксировать наличие обнаруженной О. Тоффлером "футурофобии", равно как и не встретим утопической устремленности в "светлое будущее". На чем основано такое невнимание к будущему, почти полное отсутствие в высказываниях лидеров мнений позитивных оценок и характеристик будущего устройства? Одно из возможных объяснений может быть связано с тем, что общество,

оставшее от построения социальных утопий, испытывает потребность в реализации надежд настоящего. *"Рая не будет. Бездумно стремясь к раю, мы создаем ад. Поэтому нельзя отдавать жизнь в руки фантазерам. Нельзя заниматься социальной инженерией. Есть гениальные идеи, образы, чертежи? Пожалуйста - на бумагу! В краски. Но только не экспериментируйте на живых людях! Живые люди не материал для чьего-либо творчества. Я не верю ни в какую конечную цель. Не верю, что она представляет собой ценность. Ценность представляет собой только человек. Человек, который должен жить сегодня".* (Н. Коржавин, "АиФ". 2001. N 3).

На наш взгляд, немаловажным оказывается и явление "инновационной усталости", порожденное состоянием непрекращающегося реформирования (даже реформационного бума) во всех сферах жизнедеятельности социума. Это, с одной стороны, вызывает эффект привыкания (и, как следствие, уменьшение интереса к будущему), с другой, - "количественный перегрев" реформационных программ формирует негативный контекст восприятия новизны как угрозы стабильности, укорененности, отождествляется не столько с возрождением, сколько с расшатыванием основ. В этой связи логичным представляется и зафиксированная ранее реакция "ценностного ожидания" - поэтапного восхождения к новым горизонтам, исключаяющая формы активного "штурма" будущего. Технократические установки настоящего лишают жизненной силы гуманистические идеалы *возможного* устройства, препятствуют распространению "ностальгии по иррациональным утопиям" (С. А. Магарил). Отсутствие утопического мышления ставит под сомнение наличие преобразующих ресурсов настоящего, ведь именно в утопическом "Еще-Не-Бытии" (Э. Блох) заложена основа постоянства становления, актуальность и эффективность практик настоящего. Утопия выступает не столько мечтой, сколько *проектом*, задающим цели (как минимум, обеспечивающим *знание* цели), позволяя настоящему быть практическим, жизнеспособным и перспективным (не случайно утопию Э. Блох называет "методологическим органом нового").

Образ будущего оказывается неразрывно связанным с ценностными перспективами действительности, позволяет прогнозировать приоритетную зону духовной консолидации социума, которая может быть зафиксирована через **анализ поля духовного производства лидеров мнений** - в соответствии с отраслевым критерием, привязкой к профессиональной сфере деятельности героев публикаций. По сути, мы можем говорить о зоне распределения символического капитала, понимаемого как способность человека к производству мнений, наличие особого рода компетенции, проявляющейся в праве интерпретировать происходящее.

Долгое время "монополизация на истину" принадлежала лидирующей (в данном вопросе) прослойке - интеллигенции, ответственной за поиск "дороги к храму". Но если "классическая" интеллигенция нередко воспринималась в определенном разрыве с общественной психологией, мыслилась выразителем *иного* (а, нередко, и инобытийного) сознания, лидеры мнений действуют в непосредственном единстве с миром общественного мнения, или, по крайней мере, исключают формы открытого и декларируемого "отгораживания" от повседневности. Изменившиеся условия жизни во многом изменили и традиционные представления об интеллигенции и, более того, изменили её саму (дифференцировав ее состав и видоизменив функции), вывели на авансцену общественного развития новых субъектов социальных преобразований, закрепив за ними право символической власти и статус "властителя дум". Подобные изменения наглядно подтверждаются в исследовании О. А. Кармадонова, осуществленном на материале контент-анализа российской прессы конца XX века ("Комсомольская правда" за 1991, 1993, 1995, 1997 и 1999 годы)³. На основе параметров частоты упоминания, объема внимания, общего оценочного контекста публикаций, выявлялись наиболее популярные (в терминологии О. А. Кармадонова - престижные) социоэкономические группы. Результаты анализа позволили О. А. Кармадонову выделить четыре

³ Кармадонов О. А. Престиж и пафос как жизненные стратегии социоэкономической группы (анализ СМИ) // Социол. исслед. 2001. N 1, С. 66 - 72.

наиболее престижные группы конца XX столетия: *политики, коммерсанты, военные, криминалитет.*

Профессионально ориентированный портрет героя публикаций начала XXI века продемонстрировал доминирующее значение двух основных сфер общественной жизни - политики (218 лидеров) и искусства (266 лидеров). Опираясь на данные показатели, мы, таким образом, можем выделить два наиболее популярных образа лидеров-мнений: "*политик*" и "*художник*" (равно как и популярность двух общественных сфер - политики/государственного управления и художественной культуры/искусства). Таким образом, можно говорить о преобладании двух полюсов, "зашифрованных" в названных образах: **эмоционально-чувственном** (художник) и **рационально-прагматическом** (политик), олицетворяющих **культ духа и культ разума** (безусловно, такое отождествление фиксируется скорее в традиционном-стереотипном прочтении образов, что, однако, не мешает нам находить "романтическую нагрузку" в политической сфере, равно как и не лишает сферу художественного творчества рационально-прагматического начала).

Усиление того или иного образа определяет и способы достижения поставленных целей преобразования действительности, отождествляемых со сценариями **ценностно-духовного романтизма и разумного технократизма**, основанного уже не столько на "святой вере" в нравственно-этическое возрождение и духовное совершенствование, сколько опирающийся на методы эффективного управления, планирования, организации и контроля.

На наш взгляд, сущность духовных перспектив образно зафиксирована в понятии "*иная жизнь*", когда побудителем развития выступает недовольство жизнью данной и, как следствие, стремление достичь (или хотя бы её помыслить) новой, преобразовать окружающую действительность в идеал, реализовав потенциал надежды на будущее. Недовольство жизнью данной и стремление к иной преобразованной реальности рождает ситуацию ценностного конфликта, фиксируемого в нескольких возможных измерениях. В **нравственно-этическом**: в основе морально-нравственное воспитание человека, совершенствование личностных качеств, смысловая оппозиция добра и зла. В **гносеологическом**: непросвещенный и просвещенный мир, оппозиция знания и заблуждения. В **государственно-правовом**: в основе политическая стабильность, государственная политика и правовое регулирование, оппозиция порядка и анархии, закона и правовой аномии. В **технологическом**: неразвитый и развитый мир, выработка "конкурентоспособной психологии", опора на технологические достижения современности и будущего. Общее распределение вышеназванных измерений в высказываниях лидеров мнений представлено в таблице 5.

Итак, анализ результатов позволяет говорить о **преобладании нравственно-этического измерения как приоритетной зоны духовной консолидации социума**. Обобщая вышесказанное, выделим основные черты (зафиксированные диагностикой лидеров мнений) свойственные образу современной действительности.

1. Наметившаяся тенденция качественного обновления ценностного пространства социума не находит полного воплощения в реальных лидерах мнений, что приводит общество в состояние ценностного неравновесия, столкновения актуальных и традиционных способов мышления и поведения;

Таблица 5

Приоритетная зона духовной консолидации социума

Значимое измерение	Предикативная иерархия (значения в абсолютных числах)			Итоговый коэффициент
	П ₁	П ₂	П ₃	
Нравственно-этическое	24	12	4	33,3
Гносеологическое	14	4	-	16,6
Государственно-правовое	8	11	2	16
Технологическое	7	8	-	12,3

2. Доминирующим типом реакции на данное несоответствие становится путь естественной диффузии, выраженный в форме ценностного ожидания, постепенного переустройства сознания через вытеснение "неработающих" ориентиров и расширение "зоны влияния" новых моделей мышления и поведения;
3. В качестве доминирующего временного измерения выступает социальный презентизм, выраженный в пессимистических оценках настоящего при мифологизации прошлого и отсутствии четких перспектив будущего устройства;
4. Доминирование среди лидеров мнений образов "политика" и "художника" актуализирует конкуренцию сценариев ценностного технократизма и духовного романтизма в преобразовании социума;
5. Приоритетной зоной духовной консолидации современного российского общества признается нравственно-этическое измерение.

Можно заметить, что зафиксированные характеристики действительности (отраженные в медиадискурсе) нередко демонстрируют противоречивость, оказываясь то созвучно-дополняющими, то взаимоисключающими друг друга. Образ действительности мы можем оценивать в соответствии с категорией **становления**, понимаемой как непрерывный процесс самопреобразования социума в результате воспроизводства напряжения между потенциальной деятельностью общества и его нынешней социально-исторической практикой. Выявленные тенденции в целом определяют ситуацию **поиска ценностной устойчивости**, обеспечивающей согласие между представлением субъектов о должном и нормирующими практиками действительности.